

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ФАКТОВ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ

Ксения Нестеренко
(Харьков, Украина)

У статті проаналізовано окремі твори російської літератури кінця XIX – початку XX ст., що належать різним жанрам, сюжет яких заснований на юридичних справах. Виявлено мотивацію створення цих творів, проаналізовано основні художні особливості й прийоми, що сприяють їх адекватній інтерпретації.

Ключові слова: юридичний факт, інтерпретація, жанр, художній прийом.

В статье анализируются отдельные произведения русской литературы конца XIX – начала XX веков разных жанров, сюжет которых основан на действительных юридических делах. Выявляется мотивация создания этих произведений, анализируются основные художественные приемы, способствующие их адекватной интерпретации.

Ключевые слова: юридический факт, интерпретация, жанр, художественный прием.

Some Russian Literature works of the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries belonging to different genres and based on the established legal facts are analyzed in the article. The motivation of creation of these texts is exposed, the main artistic devices forming and facilitating their adequate interpretation is analyzed.

Key words: legal fact, interpretation, genre, artistic device.

Постановка проблеми. Развитие коммуникативного и антропоцентрического подходов к изучению текста обусловили интерес к психологическим методам его анализа, способствующих, в том числе, и выявлению факторов, влияющих на интерпретацию текста. С точки зрения психолингвистики, направления, активно развивающегося за последние годы и представленного работами таких ученых как А.А.Леонтьев, И.А.Зимняя, А.А.Брудный, Р.М. Фрумкина и др. в процессе чтения и понимания текстов в

сознании реципиента возникают психические образы, отражающие содержание текста. По словам А.А. Леонтьева, «сущность восприятия текста – в создании у реципиента образа содержания текста» [4, с.25]. Образы и представления, возникающие при чтении, формируются на основе объективно-субъективных факторов. К субъективным факторам относятся личность самого воспринимающего (индивидуальный опыт, знания, психоэмоциональные характеристики личности и др.). К объективным – материальная организация текста (жанр, структура, художественные приемы, авторские акценты и пр.). В любом случае, при анализе текста основным объектом исследования является языковая личность и на уровне порождения текста (автор), и на уровне его восприятия (реципиент).

Актуальность исследования. Интерпретация (толкование, поиск смысла, причин) юридических фактов и событий лежит в основе многих произведений русской литературы конца XIX – начала XX веков. Известно, например, что сюжет романа Л.Н. Толстого «Воскресение» был подсказан ему выдающимся юристом А.Ф. Кони [6, с.453]. Сам же А.Ф. Кони высоко оценил талант Ф.М. Достоевского в описании психологии и поведения убийцы, выступив с докладом «Достоевский как криминалист». Известный писатель и общественный деятель В.Г. Короленко издал серию очерков, высказав свою позицию по напумевшим в свое время делу Бейлиса и деле о Мултанском жертвоприношении, защитником по которому выступал адвокат Карабчевский. Писатель Л. Андреев, получивший в свое время юридическое образование и работавший какое-то время судебным репортером, использовал свои наблюдения за реальными делами для таких рассказов как «Защита», «Первый гонорар», «Христиане» и др. Рассказ И.А. Бунина «Дело корнета Елагина» – это, фактически, воспроизведение обстоятельств дела 35-летней давности, защитником по которому выступил выдающийся юрист Ф.Н. Плевако. То есть, во многих случаях, помимо известных произведений русской литературы, относящихся к разным жанрам, имеются дополнительные источники, в которых описываемые события получили не художественную, а профессиональную оценку. Излагая события и факты, передавая сюжет, интерпретатор воспроизводит подобие действительных событий, придавая им ту или иную тональность.

Цель данной работы – выявить мотивацию и особенности интерпретации юридических событий и фактов в публицистических и художественных текстах разных форм, проанализировать основные приемы создания образов и представления авторской оценки.

Изложение основного материала. Обратимся к некоторым из названных выше произведений.

В 1925 году И.А. Бунин, будучи в эмиграции, обращается к уголовному делу об убийстве артистки Висновской. В этом деле защитником по делу обвиняемого Баргенева выступил известный русский юрист Ф.Н. Плевако. Фактически в нашем распоряжении оказываются два текста, два изложения фактов одного дела (художественный – рассказ И.А. Бунина и юридический – речь в защиту Ф.Н. Плевако). Каждый текст создан согласно требованиям жанра и целевым установкам их авторов.

Как известно, художественный текст предполагает художественный вымысел, «который является сущностной чертой художественного творчества» [1]. При этом, художественный текст, имеющий в своей основе реальные

события и факты, изображает их, основываясь на практически безграничных возможностях «образа автора» (термин В.В. Виноградова), обладающего всевидением и всезнанием. Речь юриста в суде содержит, прежде всего, соответствующую прагматическую установку (защита или обвинение), реализуемую в процессе изложения фактов дела, требует логику организации речи и изложения фактов, подразумевает эмоциональное апеллирование к присяжным с целью добиться желаемого результата.

Так, в структуре текста защитительной речи Ф.Н. Плевако в деле Бартенева – посылка, с которой он начинает разворачивать свою аргументацию. В данном деле его цель – не защита невиновного (виновный сам признал свою вину), а поиск мотива, который помог бы смягчить наказание. Таким мотивом оказывается слепая любовь корнета Бартенева к актрисе, манипулировавшей им.

После изложения фактов дела Ф.Н. Плевако заканчивает свою речь, стараясь эмоционально воздействовать на присутствующих в суде, приводя развернутое сравнение «Слово закона напоминает угрозы матери детям. Пока нет вины, он обещает жесткие меры непокорному сыну, но едва настает необходимость наказания, любовь материнского сердца ищет всякого повода смягчить необходимую меру казни» [5, с. 322].

Известно, что текст речи в защиту обвиняемого готовится целенаправленно, для определенной аудитории, которая собирается в определенном месте в определенное время для конкретной задачи – принятии решения в отношении обвиняемого. Цель такой речи – найти убедительные доказательства, мотивы, увидеть логику проступков подсудимого. Оформление речи требует четкого подбора тактических приемов воздействия на аудиторию. Как следует из содержания защитительной речи, то она содержит не только изложение фактов дела, их оценку с точки зрения правовых, моральных, социальных норм общества, воссоздание психологической мотивировки действий, но также просветительские и наставительные положения по поводу существующих норм права. Автор такой речи как бы навязывает собственную оценку событий и фактов обстоятельств дела с учетом своей прагматической установки, находясь в пределах существующих правовых норм. Собственная оценка событий и фактов защитником проявляется в нахождении смягчающих психологических мотивов, акцентировании отдельных моментов и т.п.

И.А. Бунин, автор рассказа «Дело корнета Елагина», как отмечает исследователь творчества писателя Н.И. Кучеровский, «сохранил даже дату преступления и номер дома, в котором убийство совершилось. Лишь фамилии действующих лиц и названий слегка изменил: Бартенева на Елагина, Висновскую на Сосновскую, улицу Новгородскую на Старгородскую» [3, с. 506]. Изложение фактов дела в рассказе осуществляется и со ссылками на речь прокурора, и на выслушивание адвоката, и на показания свидетелей, само повествование может прерываться авторскими комментариями. Автор пытается проникнуть в те глубинные мотивы, которые побудили корнета совершить убийство. В структуре повествования заметны многочисленные вопросы, адресованные автором как бы самому себе. Поиск ответов на них помогают ему мыслить логически в тупиковых ситуациях данного дела. То, что убийство артистки оставляет много вопросов, подчеркивают постоянно встречающиеся в тексте рассказа слова «загадочное», «таинственное», «странное» и т.п., которые, одновременно, можно

отнести и к категории оценочных. Авторский комментарий событиям в рассказе Бунина представлен как на уровне предложения, так и абзаца и сверхфразового единства. События и факты комментируются, в основном, со стороны разных лиц, участников событий, например, «Приехав к месту происшествия, вошедшие остановились и на мгновение оцепенели от страха и удивления». В рассказе «Дело корнета Елагина» сделана попытка представить дело со всех сторон, но сделано это не для того, чтобы найти истину, а для того, чтобы разобраться в девиантном поведении и психологии человека, совершившего убийство.

В.Г.Короленко вошел в литературу не только как выдающийся писатель, но, возможно, в первую очередь, как замечательный публицист. Его очерки, заметки, его расследования и непосредственное участие, направленные на разрешение злободневных вопросов России конца XIX – начала XX века часто достигали цели, вызывая широкий общественный резонанс и оказывая значительное влияние на современников. Писатель тщательно следил за громкими процессами своего времени, фактами произвола и насилия, скрупулезно собирал материалы, анализировал их и не боялся вступить в полемику с официальной, несправедливой позицией. Здесь следует упомянуть, что выбор публицистики как жанра показателен, поскольку с ее помощью писатель может прямо выразить свое отношение к волнующим общество проблемам и попытаться сформировать ответную реакцию со стороны собеседников. Обычно целью публицистических работ является информирование и воздействие. Воздействие, в свою очередь, включает в себя воздействие с помощью фактов и эмоциональное воздействие. То есть, коммуникативная цель создания текста у автора публицистического произведения всегда будет прагматически обусловлена.

Отличительной, характеристикой публицистики В.Г.Короленко является то, что сам автор принимал непосредственное участие во многих делах, о которых он писал. То есть, Короленко одновременно предстает и автором-рассказчиком, и автором-участником событий. Будучи активно вовлеченным в происходившие события и излагая факты дела как непосредственный их участник, Короленко, тем не менее, в своем изложении стремится к объективности, но в очерках постоянно звучит его авторское «я». Показательным в данном случае является употребление личных местоимений. Так, серия очерков «Мултанское жертвоприношение» посвящена процессам вынесения приговора мултанским вотякам по обвинению в человеческом жертвоприношении. В начале повествования для создания эффекта объективности изложения Короленко использует безличные предложения, глагольные формы, больше напоминающие официальный отчет, что помогает представить обстоятельства дела. Затем в тексте появляется местоимение *мы*. Оно служит целям обобщения, помогает объединить автора-рассказчика и его читателей, привлечь их к размышлениям. Ситуация, в которую вовлекает нас автор, переходит от описания конкретных фактов конкретного дела к необходимости делать обобщающие выводы. После в тексте появляется местоимение первого лица, *я* автора. Описываемые события теперь предстают в том виде, в каком их наблюдал сам писатель. В описаниях с местоимением *я* автора увеличивается количество качественных прилагательных в функции эмотивов и экспрессивов, демонстрирующих состояние самого повествователя: «Я еще весь охвачен впечатлением ужасной, таинственной, неразъяснимой драмы», – пишет Короленко. Увеличивается

количество восклицательных предложений и их функциональная роль. Если в описаниях с местоимением *мы* восклицательные предложения использовались, для того, чтобы обратить внимание на несогласованность фактов и выводов дела, то восклицательные предложения содержащие личное *я* помогают выразить полное недоверие автора к официальной позиции, позволяющей вопиющие нарушения процессуального права. Здесь на читателя оказывается и эмоциональное воздействие.

В следующих очерках серии описывается развитие событий Мултанского дела. В них появляется обращение автора к своим читателям, которое вводится с помощью местоимения *вы*. Такие обращения служат целям убеждения: «Представьте себе..., подумайте..., вы видите...» и др. При этом автор предвидит возражения, контраргументы, занимая доказательную позицию: «Предполагаю, что у читателя появляются возражения...». Короленко использует переписку, ссылки на мнения разных людей, которые он обобщает, и которые помогают ему представить общественное мнение. Короленко-публицист ненавязчиво, но упорно ведет диалог с читателем, представляя факты недобросовестных свидетельств, некачественно проведенной экспертизы, таким образом, подводя к выводу о бесосновательности обвинения вотяков. В конце изложения всей истории, с требованием справедливого пересмотра и решения дела, автор-рассказчик снова использует местоимение *мы* (*Я* – автор и читатели, общество). В то же время отдельно звучит и авторское *я* Короленко. Он постоянно «заметен» в подробном изложении судебного разбирательства, он комментирует действия прокурора, представленную экспертизу. Вмешательство автора в безличное, носящее официальный характер, изображение осуществляется с помощью вводных предложений, типа «*Я полагаю...*», «*но мне кажется...*», за которыми следуют логические и обоснованные контраргументы. Происходит рациональное воздействие на читателя, и авторская позиция обозначена четко.

Факты дела, рассказанные известным русским юристом А.Ф. Кони Л.Н.Толстому и ставшие основой сюжета романа «Воскресение», поразили писателя, намеревавшегося написать на их основе повесть о нравственном возрождении героя (Толстой: т. 13, с. 453). История состояла в том, что молодой человек из привелигерованного сословия, приехав однажды к своей родственнице в деревню, соблазнил там простую девушку–служанку, которая впоследствии попала в публичный дом. За кражу денег у одного из своих пьяных клиентов, она была отдана под суд. Среди присяжных оказался и ее соблазнитель, собравшийся жениться на ней, чтобы загладить свою вину. [6, с. 453]. В процессе работы замысел писателя менялся и, в результате шести редакций, вышел роман, в котором не просто расширены границы сюжетного повествования, но и изображена практически вся социальная и общественная жизнь России второй половины XIX века. Мы же обратим внимание на изображение в романе тех событий и фактов, которые легли в основу судебного дела и пронаблюдаем, как их использование помогло писателю добиться высокой степени реализма и обобщения.

Произведение начинается с противопоставления созданного Богом сотворенному людьми: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни считали

всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезают деревья и ни выгоняли всех животных и птиц – весна была весною даже и в городе. Люди считали священной и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ, – красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священной и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом» [6, с. 6]. Это противопоставление в дальнейшем проявляется в развитии сюжета, образов и проблематики романа. Например, Катюша Маслова вначале описана как миленькое живое существо, однако, впоследствии жизнь ее была испорчена безнравственностью, порочностью, несправедливостью социальной жизни, приведшей ее на скамью подсудимых. Судебное разбирательство по делу Масловой, его рутинность, неестественность и фальшь явилось всего лишь иллюстрацией того, что происходит постоянно, и что вызывает горечь автора ввиду явной противоестественности и безнравственности. Один из приемов, используемых писателем, – акцентирование явного противоречия между внешними поступками людей и побуждениями к ним, объяснение их мотивации. Такой прием демонстрирует сущность явления, а не его внешние признаки. Например, говоря о товарище прокурора, Толстой замечает: «И товарищ прокурора тотчас же снял локоть с конторки и стал записывать что-то. В действительности он ничего не записывал, а только обводил пером буквы своей записки, но он видал, как прокуроры и адвокаты это делают: после ловкого вопроса вписывают в свою речь ремарку, которая должна сокрушить противника».

Толстой также предлагает авторский комментарий к словам и действиям персонажей, который показывает их истинную причину. Так, во время допроса Масловой на суде, председатель не слушал все то, о чем говорила обвиняемая, он «шептался в это время с членом налево», «но для того, чтобы показать, что он все слышал, он повторил ее последние слова» в форме вопроса. Подобные приемы также способствуют формированию у читателей соответствующего отношения к системе правосудия, представляющей собой бездушный и формальный механизм. Даже ее представители выглядят безлично, они названы не по именам, а просто «председатель», «товарищ прокурора», «член налево», «мрачный член суда» и пр., а также иногда названы фигурами. Образы обвиняемых, показанные Толстым, подтверждают такой вывод. Мы видим, к примеру, людей, предстающих перед судом за ничтожные провинности и правонарушения – мальчика, укравшего никому не нужные половники, крестьян с просроченными документами, мужика, срубившего в лесу Нехлюдова две березы. Против таких людей направлена вся мощь судебного-исполнительного аппарата России указанного периода. У читателя формируется соответствующее отношение – система правосудия, учрежденная и поддерживаемая людьми высшего класса, а именно такие люди ее представляют (вспомним перечисление присяжных и их социального статуса перед судом Масловой), является противоестественной. Толстой с помощью размышлений Нехлюдова ведет к выводу о нецелесообразности и неэффективности суда одних людей над другими: «То же, что теперь делается, и жестоко, и не только нецелесообразно, но до такой степени глупо, что нельзя понять, как могут душевно здоровые люди участвовать в таком нелепом и жестоком деле как уголовный суд», – пишет он.

Честность и моральность людей, занятых в системе правосудия, также подвергается сомнению. Юридический факт, факт, установленный судом, никак не является истиной, а его интерпретация зависит от человеческого фактора. В романе, например, из уст некоторых героев передаются восторженные слова о «гениальном» адвокате, сумевшем повернуть дело так, что одна старая барыня, хоть и была совершенно права, должна заплатить противной стороне большие деньги. Честным считается человек, не берущий мелких взяток, но выбивающий для себя льготные аренды, прогоны, подъемные (образ сенатора Вольфа). В уста адвоката Фанарина Толстой вкладывает циничные, но очень похожие на правду слова о том, что люди, работающие в суде, думают лишь о возможности набивать карманы, благодаря своей должности. Юридический факт, дело об отравлении, ставшей основой романа «Воскресение», превращается в обвинительный приговор системе, благодаря своему обличительному пафосу.

Рассказывая однажды одному из своих биографов, писатель Л. Андреев, вначале юрист, судебный репортер, и в последствии писатель, так объяснил значительное количество сюжетов из судебной практики в своем творчестве: «Суд, постоянное общение с людьми, наблюдение за ними в чрезвычайной обстановке, - все это вскрывало передо мной тайны живых людей. Судебные драмы и комедии показали мне, как живут те люди, которых мы знаем толпой в массе» [Цит. по кн. 2, с. 41].

Человек как социальный тип, его поступки и их мотивы, проявление моральности в различных жизненных ситуациях – такова мотивировка художественного обобщения Андреевым юридических фактов. Например, в рассказе «Защита» противопоставляются образы молодого, честного адвоката Колосова и его коллеги, прыткого и амбициозного, менее нравственного Померанцева, представляющие разные социальные типы адвокатов. Прием контраста использован и в рассказе «Первый гонорар», где образу молодого неопытного адвоката противопоставлен образ его умудренного жизнью патрона Алексея Семеновича, произносящего фразу философского содержания, которая вполне характеризует интерпретацию юридических событий во время процессов. На эмоциональное восклицание молодого коллеги о том, что в действительности все было не так, он замечает: «- В действительности! ... Откуда мы можем знать, что происходит в действительности? Может быть, там черт знает что, в этой действительности. И нет никакой действительности, а есть очевидность».

Выводы. Проанализировав в общих чертах произведения различных жанров, в основе которых были реальные юридические факты и судебные дела, приходим к выводу о том, что, даже если они буквально передаются автором, тем не менее, служат толчком для его художественных размышлений и обобщений и воплощаются в произведениях разных форм и жанров, следуя творческой установке автора. Более детальное и углубленное изучение каждого произведения, а также других произведений других авторов, анализ всех художественных приемов, влияющих на адекватную интерпретацию, – **перспектива дальнейших исследований.**

ЛИТЕРАТУРА

1. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения [Уч. пособие] /А.Б. Есин. – М.: Флинта. Наука, 2000 – 248 с.

2. Иезуитова Л.А. Творчество Леонида Андреева (1892 – 1906). / Л.А.Иезуитова.– Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1976.
3. Кучеровский Н.И. И. Бунин и его проза. / Н.И. Кучеровский. – Тула: Приокское кн. изд-во, 1980. – 506 с.
4. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психологический процесс / А.А.Леонтьев // Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия. – Киев: Вища школа, 1979. – С. 18-89.
5. Плевако Ф.Н. Избранные речи. / Ф.Н. Плевако. – Тула: Автограф, 2000.
6. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 14-ти т. – Т. 13. Воскресение / Л.Н.Толстой. – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. – 464 с.